

Оригинальная статья

УДК 316.473

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-109-126>

Религиозность и репродуктивные установки в системе ценностей современной студенческой молодежи (на примере студентов технического вуза)

Анна Сергеевна Курапова¹✉, **Сергей Владимирович Курапов²**

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва, Москва, Россия

¹✉ ann-shilyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2003-7439>
²sv_ksv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3962-2850>

Введение. В статье рассматривается парадокс, когда при высокой декларативной значимости семьи и религии сохраняются низкие демографические показатели. Классические модели, предполагающие прямую связь религиозности и репродуктивных установок, в российских условиях не работают, что актуализирует поиск опосредующих механизмов. Цель исследования – выявить опосредующую роль социального капитала в этой взаимосвязи на примере студенческой и казачьей молодежи.

Методология и источники. Методологической основой выступила концепция П. Бурдьё о двух формах социального капитала: реальном и декларируемом. В исследовании использован сравнительный дизайн на основе анкетирования 719 студентов технического вуза (потенциальный декларируемый капитал) и 176 представителей казачьей молодежи (потенциальный реальный капитал). Применялся анализ модерированной медиации для проверки гипотез.

Результаты и обсуждение. Выявлено фундаментальное различие в природе связи религиозности и репродуктивных установок. У казачьей молодежи религиозность как реальный социальный капитал интегрирована в целостный традиционный профиль с высокими репродуктивными установками. У студенческой молодежи религиозность часто является декларируемым социальным капиталом, что порождает «разорванную идентичность» (особенно у девушек) и слабую связь с репродуктивными установками. Анализ медиации подтвердил, что социальный капитал значимо опосредует эту связь только в религиозных группах.

Заключение. Эффективность влияния религиозности на репродуктивные установки детерминирована типом социального капитала. Практическая значимость работы заключается в необходимости дифференцированной политики: для студентов – трансформация декларируемого социального капитала в реальный через создание сплоченных сообществ, для казачества – поддержка институциональной среды, воспроизводящей традиционный уклад.

Ключевые слова: религиозность, репродуктивные установки, студенческая молодежь, казачья молодежь, социальный капитал, символический капитал, традиционные семейные ценности

Для цитирования: Курапова А. С., Курапов С. В. Религиозность и репродуктивные установки в системе ценностей современной студенческой молодежи (на примере студентов технического вуза) // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 109–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-109-126

© Курапова А. С., Курапов С. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Religiosity and Reproductive Attitudes in the Value System of Contemporary Student Youth (Based on the Example of Technical University Students)

Anna S. Kurapova¹✉, **Sergey V. Kurapov**²

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia*

¹✉ann-shilyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2003-7439>

²sv_ksv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3962-2850>

Introduction. The article examines the paradox of low demographic indicators in the context of high declarative importance of family and religion. Classical models suggesting a direct relationship between religiosity and reproductive attitudes do not work in Russia, which highlights the need to identify mediating mechanisms. The purpose of this study is to explore the mediating role of social capital in this relationship using the example of student and Cossack youth.

Methodology and sources. The study was based on P. Bourdieu's concept of two forms of social capital: real and declared. The study used a comparative design based on a questionnaire survey of 719 students at a technical university (potential declared capital) and 176 representatives of Cossack youth (potential real capital). Moderated mediation analysis was used to test the hypotheses.

Results and discussion. A fundamental difference in the nature of the relationship between religiosity and reproductive attitudes has been identified. Among Cossack youth, religiosity, as a real social capital, is integrated into a holistic traditional profile with high reproductive attitudes. Among student youth, religiosity is often a declared social capital, which leads to a “fragmented identity” (especially among girls) and a weak connection with reproductive attitudes. The mediation analysis confirmed that social capital significantly mediates this relationship only in religious groups.

Conclusion. The effectiveness of the influence of religiosity on reproductive attitudes is determined by the type of social capital. The practical significance of the work lies in the need for differentiated policies: for students, the transformation of declared social capital into real capital through the creation of cohesive communities, and for the Cossacks, the support of an institutional environment that reproduces the traditional way of life.

Keywords: religiosity, reproductive attitudes, student youth, Cossack youth, social capital, symbolic capital, traditional family values

For citation: Kurapova, A.S. and Kurapov, S.V. (2026), “Religiosity and Reproductive Attitudes in the Value System of Contemporary Student Youth (Based on the Example of Technical University Students)”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 109–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-109-126

Введение. В современной социологии религиозность рассматривается в качестве одного из ключевых факторов, формирующих семейные ценностные ориентации и репродуктивные установки. Многочисленные исследования, прежде всего в западных странах, демонстрируют устойчивую положительную корреляцию между уровнем религиозности, стабильностью брака и итоговым числом детей в семье [1]. При этом в условиях секуляризации прямое влияние религиозности на демографическое поведение ослабевает, что актуализирует поиск опосредующих механизмов этой связи. Парадокс российского общества заклю-

чается в том, что, несмотря на высокую декларативную значимость как семейной [2], так и религиозной идентичности, общество сталкивается с устойчиво низкими показателями рождаемости, высоким уровнем разводов и аборт.

Классические социологические модели объяснения рождаемости выделяют религиозность в числе ключевых факторов наряду с образованием, опытом родительской семьи и социальным окружением. Считается, что религиозность способствует созданию поддерживающих социальных институтов и особой социализации, в ходе которой усваиваются просемейные ценности и установки на многодетность [3]. Однако в современном российском контексте наблюдается явный парадокс: несмотря на высокую декларативную значимость семьи и религии, реальные демографические показатели остаются низкими. Так, по данным фонда «Общественное мнение» (ФОМ) (2023), лишь 14 % россиян являются многодетными родителями [4], а суммарный коэффициент рождаемости устойчиво ниже уровня простого воспроизводства. При этом, как показывают данные ВЦИОМ (2023), лишь 29 % молодежи в возрасте 18–24 лет однозначно идентифицируют себя как верующие [5]. Это противоречие указывает на то, что прямая детерминация репродуктивного поведения религиозностью, предполагаемая классическими моделями, в России не срабатывает, что актуализирует поиск опосредующих механизмов данной связи.

Данная проблематика усугубляется в молодежной среде, для которой характерно сочетание декларативного следования традиционным ценностям с прагматическими и индивидуалистическими жизненными ориентациями [6, с. 82]. В 2025 г. в исследовании московской молодежи Н. С. Зимова, Т. С. Неробеева выявили, что религиозность в сочетании с другими экономическими и социальными факторами влияет на выбор молодыми людьми более эффективных стратегий для решения демографических проблем, что требует принятия мер по сохранению религиозных ценностей в рамках проводимой семейной политики [7].

На первом заседании Совета по реализации государственной демографической и семейной политики, которое состоялось 23 октября 2025 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что одной из задач является развитие и поддержание тенденции внутреннего настроя к стремлению создания семьи, заключению брачного союза и многодетности, которая превалировала бы в общественном сознании [8]. В этой связи противоречие между декларируемым на государственном уровне курсом на традицию и реальными прагматическими индивидуалистическими ориентациями студенческой молодежи требует особого эмпирического подхода и изучения.

В качестве теоретической рамки, способной разрешить указанное противоречие, в исследовании используется концепция социального капитала П. Бурдьё. Авторы предполагают, что религиозность влияет на репродуктивные установки не напрямую, а через механизмы социального капитала, который может выступать в двух формах: как реальный символический капитал (воплощенный в практиках, габитусе и плотных социальных сетях) и как декларируемый символический капитал (ограниченный риторикой и демонстрацией принадлежности) [9]. Такой подход позволяет дифференцировать глубину и действенность религиозности как социального фактора.

Цель исследования заключается в выявлении опосредующей роли социального капитала во взаимосвязи религиозности и репродуктивных установок студенческой молодежи.

Задачами исследования являются: проведение анализа концептуальных подходов к изучению взаимосвязи религиозности и репродуктивных установок; осуществление операцио-

нализации ключевых понятий «религиозность», «репродуктивные установки», «социальный капитал»; разработка и апробация эмпирической модели, описывающей опосредующее влияния социального капитала; выявление и сравнение ценностных профилей религиозной и нерелигиозной студенческой и казачьей молодежи; формулировка практических рекомендаций для проведения семейной и молодежной политики.

Для верификации теоретической модели избран сравнительный дизайн, противопоставляющий две группы молодежи с различной природой социального капитала: студенческая молодежь, где религиозность потенциально выступает как культурный маркер (декларируемый капитал), и казачья молодежь, где предполагается, что религиозность встроена в плотные социальные сети и традиционные ценности (реальный капитал). Эмпирическая база и методы исследования представлены в следующем разделе.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что влияние религиозности на репродуктивные установки опосредовано характером социального капитала, который в разных группах молодежи имеет различную природу. Авторы предполагают, что в обеих религиозных группах, особенно казачьей молодежи, обладающей реальным символическим капиталом, религиозность будет последовательно связана с репродуктивными установками через механизмы социального капитала. В то же время в нерелигиозной, особенно в студенческой среде, где религиозность часто выступает как декларируемый символический капитал, эта связь будет нарушаться ценностными противоречиями и более слабыми механизмами социального влияния.

Методология и источники. Методологической основой исследования выступила концепция социального капитала П. Бурдьё, который в рамках данной работы понимается как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений, иными словами реальным членством в группе [10].

Ключевым для дизайна исследования является выделение двух форм капитала. Реальный символический капитал, инкорпорированный в габитус, легитимен и получает основанное на репутации, реальных поступках, соответствующих заданным правилам, признание в конкретном социальном поле [11, с. 22]. Декларируемый (трансляционный) символический капитал проявляется в риторике и демонстративных практиках, не подкрепленных глубокой инкорпорацией. Ценностный разрыв в религиозности происходит, когда индивид в публичном поле активно демонстрирует религиозные символы (например, носит крест), участвует в ритуалах (ходит в храм), пытаясь накопить символический капитал, но его габитус может не соответствовать этой демонстрации, т. е. на самом деле он может не быть религиозным. Именно этот социальный дуализм позволяет выдвинуть гипотезу о различной природе связи религиозности и репродуктивных установок в различных социальных группах.

В современной социологии семьи взаимосвязь религиозности и репродуктивных установок рассматривается не как прямая детерминация, а как сложный процесс, опосредованный социальными механизмами. Ключевым из таких механизмов выступает социальный капитал, выполняющий функцию «социального клея» или медиатора, который связывает религиозные убеждения с конкретными семейными практиками. Плотные социальные связи как реальный способ преодоления неопределенности и образец поведения дают возможность наиболее действенно реализовать установки, заложенные родительской семьей, религией или иными институтами [1, с. 145].

По мнению Е. Г. Мартьяновой, религиозная культура православной молодежи представляет собой самую многочисленную группу, демонстрирующую достаточно высокий уровень религиозности, при этом она носит поверхностный, пассивный и нецерковный характер [12].

В некоторых более ранних исследованиях также делался вывод о том, что значительная часть идентифицирующих себя как верующие, на самом деле слабо представляют, во что они верят, и поэтому догматы религии мало влияют на их жизненные установки, а религия служит не более чем способом культурной самоидентификации, неким символом, а не основой мировоззрения [13]. Так, например, М. Л. Ивлева, С. Н. Курилов, В. И. Россман в 2018 г. отмечали, что современная молодежь вкладывает иной смысл в такие понятия, как вера, духовность, религиозность, традиции, обряды, каноны, нежели представители старших поколений [14]. Из выводов исследования Н. Е. Русановой, Л. В. Ерофеевой следует, что религиозность является одним из факторов, влияющих на выбор в пользу ребенка при незапланированной беременности, но при этом среди причин в пользу прерывания беременности респонденты отмечали материальные трудности и медицинские противопоказания (80 %) [15, с. 11].

Опираясь на концепцию П. Бурдьё, разделяющего «объективированный класс» как статистическую категорию совокупности людей, выделенных по каким-либо объективным признакам (национальность, профессия и пр.), и «инкорпорированный класс» как совокупность людей, объединенных одинаковым отношением к жизни или значимыми предметами (вещами, идеями, чувствами) и на этом осознающими свою общность, авторы выделили совокупные группы: студенческая молодежь как «объективированный класс» – эмпирический объект исследования, и казачья молодежь как «инкорпорированный класс» – нормативная группа, существующая на ценностях православной веры (или во всяком случае православной культуры), а самое главное осознающая свою особенную общность.

Исследование основано на сравнительном дизайне, противопоставляющем две группы молодежи с гипотетически различной природой социального капитала: студенческая молодежь технического вуза (потенциальный декларируемый социальный капитал) и казачья молодежь (потенциальный реальный капитал). Сравнение их позволяет проверить гипотезу об опосредующей роли социального капитала.

Исследование проводилось в течение двух месяцев 2025 г. на базе одного из технических вузов Санкт-Петербурга. Генеральную совокупность составили студенты данного вуза (N = 8890) [16]. Выборочную совокупность (n = 719) образовали студенты 1-го курса, из них 464 мужчины и 255 женщин, средний возраст – 18,6 лет. В качестве нормативной группы выступили участники VI Всероссийского форума (слета) казачьей молодежи, отобранные по результатам диагностики ключевых ценностей молодежной политики, в том числе Указа Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [17] (n = 176), из них 110 мужчин и 66 женщин, средний возраст – 21,6 лет. Распределение респондентов по выделенным категориям представлено в табл. 1.

Проверка гендерного состава показала, что группы являются статистически схожими по данному параметру (64,4 % мужчин среди студентов против 61,3 % среди казаков), что позволяет минимизировать влияние фактора пола на выявление межгрупповых различий в ценностных ориентациях. Распределение в студенческой выборке соответствует экспертной

Таблица 1. Распределение молодежных групп по гендерному и религиозному признаку
Table 1. Distribution of youth groups by gender and religion

Группа	Религиозная принадлежность	Общее кол-во, чел.	Мужчины, чел.	Женщины, чел.
Студенческая молодежь	Христиане (религиозные)	377	269	108
	Не придерживаются никакой религии (нерелигиозные)	342	195	147
	Всего по группе	719	464	255
Казачья молодежь	Христиане (религиозные)	103	66	37
	Не придерживаются никакой религии (нерелигиозные)	73	44	29
	Всего по группе	176	110	66

оценке гендерного соотношения в технических вузах, что позволяет считать ее адекватно отражающей специфику генеральной совокупности.

В рамках данного исследования представляется целесообразным изучение влияния религиозной идентичности на репродуктивные установки этих молодежных групп, так как именно в этот период (18–28 лет – возраст студенчества, первого профессионального опыта) у молодых людей формируются базовые представления о браке и семейных ценностях и группы представлены респондентами из разных регионов России. Для целей исследования обе молодежные когорты были стратифицированы по гендерному и религиозному признаку (христиане и те, кто не придерживается никакой религии). Ввиду малой репрезентативности представителей других конфессий (менее 10 % от общей выборки) их данные были исключены из анализа в обеих группах.

Для сбора данных использовалось онлайн-анкетирование на платформе Yandex.Forms, выбранной в связи с оптимальным соответствием исследовательским задачам: максимальная доступность для российской выборки, техническая надежность, отсутствие требований к регистрации респондентов и достаточный функционал для реализации сложной структуры анкеты. Выбор отечественного сервиса также минимизировал риски ограничения доступа, характерные для международных платформ. Все респонденты давали информированное согласие на участие после ознакомления с целями исследования. Сбор данных осуществлялся анонимно, в том числе не собирались персональные данные, допускающие идентификацию респондентов. Для обеспечения конфиденциальности результаты представлены в агрегированном виде.

В качестве основного измерительного инструмента использовалась анкета с биполярными шкалами Лайкерта (формат «тезис–антитезис», где респонденты выбирали позицию по 5-балльной шкале между двумя полярными утверждениями. Значение «5» соответствовало полному согласию с тезисом, «1» – полному согласию с антитезисом, «3» – нейтральной позиции. Для обеспечения валидности инструментария было проведено пилотное тестирование ($n = 65$) и экспертная валидация. Все респонденты давали информированное согласие, сбор данных осуществлялся анонимно.

Группировка переменных в исследовательской анкете основана на содержательном анализе концептуальной близости индикаторов и подтверждается ссылками на авторитетные исследования в соответствующей области в теоретической рамке П. Бурдьё, где социальный капитал выступает опосредующим звеном (медиатором) во взаимосвязи религиозности и репродуктивных установок (табл. 2.)

Таблица 2. Группировка переменных в исследовательской анкете
Table 2. Grouping of variables in the research questionnaire

Фактор	Входящие индикаторы в анкете	Концептуальное обоснование выбора индикаторов
Территориальная идентичность	«Горный ландшафт», «Деурбанизация», «История и традиции малой родины», «Любовь к природе»	Природные детерминанты территориальной идентичности, ориентация на традиционные формы поселения, связь с территориальным наследием как ресурс социального капитала (Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова)
Традиционные семейные ценности	«Патриархальная ориентация», «Женщина-домохозяйка», «Запрет аборт», «Расширенная семья»	Ключевые элементы традиционного семейного габитуса: нормативный, ролевой и структурный компоненты (И. В. Павлюткин, Е. В. Пруцкова, Н. С. Зимова, Т. С. Неробеева, Т. К. Ростовская)
Репродуктивные установки	«Многодетность», «Многодетность в России», «Больше рожать», «Отказ от аборта»	Дифференциация, позволяющая выявлять ценностный разрыв по личным и общественным установкам (С. В. Захаров, Е. В. Чурилова, О. Н. Борисова, И. В. Павлюткин, Н. Е. Русанова, Л. В. Ерофеева)
Религиозность	«Важность религии для меня», «Религия важна для страны»	Интериоризированная религиозность как элемент личного габитуса, декларируемая религиозность как символический капитал (Ю. Ю. Синелина, Е. Г. Мартынова, С. В. Захаров, Е. В. Чурилова)
Прагматические ориентации	«Финансы», «Предприимчивость», «Урбанизация»	Ценности второго демографического перехода: экономический прагматизм и урбанистические ориентации (Рон Лестэг, Дирк ван де Каа)
Социальный капитал	«Внутрисемейная коммуникация», «Жизнь среди людей своего народа», «Соответствие нормам»	Плотность семейных связей и унаследованного габитуса, этнокультурного взаимодействия и групповой идентификации, готовность следовать коллективным нормам (П. Бурдьё, Р. Патнэм)

Для выяснения характера взаимосвязи между независимыми и зависимыми переменными в статистике применяется модель модерируемой медиации, которая включает третью гипотетическую опосредованную переменную (медиатор). Модель предполагает, что независимая переменная (X) влияет на медиатор (M), который влияет на зависимую переменную (Y), и условный косвенный эффект зависит от значений переменных-модераторов (W), т. е. влияние происходит через модератора и медиатора и включает пять альтернативных вариантов [18]. Это позволит выявить, какие именно звенья цепочки опосредования зависят от групповой принадлежности, определить, является ли социальный капитал универсальным или группоспецифичным медиатором, а также уточнить условия эффективной трансляции религиозных ценностей в репродуктивных установках.

Для проверки гипотезы о том, что связь между религиозностью (X) и репродуктивными установками (Y) опосредована социальным капиталом (M) и что эта опосредующая связь (медиация) зависит от групповой принадлежности и ценностных факторов, был применен анализ модерируемой медиации (рис. 1). Территориальная идентичность ($W1$) была выбрана как модератор «Пути А», так как связь с малой родиной может усиливать роль религиозной группы как источника социальных связей. Традиционные семейные ценности ($W2$) были выбраны как модератор «Пути В», так как именно они могут преобразовать потенциал социального капитала в конкретную установку на многодетность.

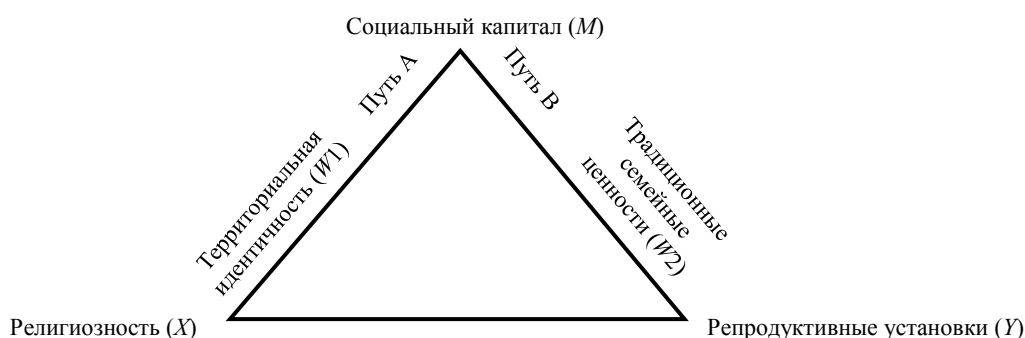

Рис. 1. Модель модулируемой медиации
Fig. 1. Moderated mediation model

Полные статистические спецификации проверяемых моделей приведены в табл. 3.

Таблица 3. Модели модулируемой медиации факторов
Table 3. Models of moderated mediation of factors

Модель	Описание	Модератор	Формулы	Условный косвенный эффект
Модель 1	Независимая переменная (X) модулирует отношения между медиатором (M) и зависимой переменной (Y)	–	$M = i_1 + aX + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + b_1M + b_2(X \times M) + e_2$	$(a_1 + a_3W) \times b$
Модель 2	Включает новую переменную-модератора (W), которая влияет на отношения между независимой переменной (X) и медиатором (M) – путь А	W = территориальная идентичность	$M = i_1 + a_1X + a_2W + a_3(X \times W) + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + bM + e_2$	$(a_1 + a_3W) \times b$
Модель 3	Включает новую переменную-модератора (W), которая влияет на отношения между медиатором (M) и зависимой переменной (Y) – путь В	W = традиционные семейные ценности	$M = i_1 + aX + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + b_1M + b_2W + b_3(M \times W) + e_2$	$a \times (b_1 + b_3W)$
Модель 4	Одна модулирующая переменная (W) влияет как на отношения между независимой переменной (X) и медиатором (M) – путь А, так и на отношения между медиатором (M) и зависимой переменной (Y) – путь В	W = традиционные семейные ценности	$M = i_1 + a_1X + a_2W + a_3(X \times W) + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + b_1M + b_2W + b_3(M \times W) + e_2$	$(a_1 + a_3W) \times (b_1 + b_3W)$
Модель 5	Включает две новые переменные-модератора (W, V), одна из которых влияет на путь А (W), а другая – на путь В (V)	W = территориальная идентичность, V = традиционные семейные ценности	$M = i_1 + a_1X + a_2W + a_3(X \times W) + e_1;$ $Y = i_2 + c'X + b_1M + b_2V + b_3(M \times V) + e_2$	$(a_1 + a_3W) \times (b_1 + b_3V)$

Предполагается, что религиозность будет сильнее влиять на формирование репродуктивных установок не напрямую, а через опосредование сформированного социального капитала. При этом в условиях развитых социальных связей и сильных норм (как в казачьей среде) религиозность эффективнее транслируется в репродуктивные установки, а в слабоструктурированной социальной среде (как у студентов) даже при высокой религиозности

слабый социальный капитал приводит к разрыву между декларируемыми ценностями религиозности и реальными установками на многодетность.

Методологические границы исследования определяются следующими факторами: спецификой выборки (целевые группы и возможное влияние социальных ожиданий на ответы); возможным влиянием ситуативных факторов на ответы (эффект совместного мероприятия и коммуникации); необходимостью верификации данных в лонгитюдных исследованиях. Также сложно оценить без верификации через качественное исследование понимание религиозности каждой группой респондентов. Эти ограничения задают контекст интерпретации результатов и определяют направления методологического совершенствования в дальнейших исследованиях.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ выявил фундаментальное различие в природе взаимосвязи религиозности и репродуктивных установок в двух изученных группах молодежи. В соответствии с теоретической моделью П. Бурдьё, у казачьей молодежи религиозность выступает как реальный социальный капитал, неразрывно связанный с целостным традиционным ценностным профилем. В то время как у студенческой молодежи его роль амбивалентна: для одной подгруппы она является стержнем устойчивого прагматизма, для другой – источником внутреннего конфликта, а для нерелигиозных просто отсутствует. Ключевым механизмом, объясняющим эти различия, является опосредующая роль социального капитала, эффективность которого, как показал анализ модулируемой медиации, резко различается между группами.

В табл. 4 представлены обобщенные данные весовых средних значений факторов ценностей молодежных когорт по гендерному и религиозному признакам. При этом чем выше «З», тем фактор в более положительном значении у группы, а чем ниже «З», тем в более отрицательном. Будем опираться на эти показатели в дальнейшем для расчета моделей медиации.

Таблица 4. Обобщенные данные по группам молодежи
Table 4. Generalized data on youth groups

Группа \ Фактор	Территориальная идентичность	Традиционные семейные ценности	Репродуктивные установки	Религиозность	Прагматические ориентации	Социальный капитал
Казачья молодежь религиозная	3,68	3,41	3,69	3,47	3,73	3,41
Казачки религиозные	3,68	3,52	3,75	3,43	3,79	3,42
Казачки нерелигиозные	3,23	2,55	2,97	2,27	3,70	3,06
Казачья молодежь нерелигиозная	3,23	2,24	2,73	1,67	3,80	2,73
Среднее по группе «Казачья молодежь»	3,46	2,92	3,28	2,75	3,74	3,17
Студенческая молодежь религиозная	3,37	3,09	3,15	3,21	3,85	3,17
Студенты религиозные	3,38	3,26	3,30	3,20	3,90	3,18
Студентки религиозные	3,34	2,65	2,79	3,24	3,70	3,20
Студенты нерелигиозные	3,20	2,39	3,10	1,67	3,51	3,24
Студентки нерелигиозные	3,27	2,02	2,35	1,84	3,49	2,90
Студенческая молодежь нерелигиозная	3,23	2,24	2,78	1,74	3,50	3,10
Среднее по группе «Студенческая молодежь»	3,30	2,66	2,97	2,48	3,67	3,13

Религиозные студенты – единственная группа, у которой все факторы в положительном значении и максимальный прагматизм из всех групп 3,90. У этой группы целостность мировоззрения заключается в гармоничном сочетании традиционных ценностей и современных прагматических установок. Феномен «разорванной идентичности» у религиозных студенток (высокая религиозность при низких семейно-репродуктивных установках) является наглядной иллюстрацией концепции П. Бурдьё о декларируемом символическом капитале. Их религиозность, не подкреплённая плотными социальными сетями и инкорпорированным габитусом (в отличие от казачек), оказывается уязвимой перед давлением доминирующих в университетской среде секулярных и эгалитарных норм. Это конфликт между риторикой принадлежности и усвоенными диспозициями, сформированными в современной урбанистической среде.

Группа нерелигиозных студентов характеризуется скорее рациональным выбором и последовательной светской позицией с акцентом на профессиональный успех и социальные связи, при этом религиозность имеет сильно отрицательное значение (1,67), явное неприятие традиционной семьи (2,39), сильные прагматические ориентации (3,51) и социальный капитал (3,24). У них репродуктивные установки (3,10) и территориальная идентичность (3,20) носят скорее нейтральный характер.

Нерелигиозные студентки характеризуются наиболее радикальным отказом от традиционных ориентиров при слабой социальной интеграции и имеют четыре отрицательных показателя на шесть факторов: религиозность (1,84), традиционные семейные ценности (2,02), репродуктивные установки (2,35) и самый низкий социальный капитал среди всех групп, что свидетельствует о слабых социальных связях (2,90). Опорные и единственные положительные факторы у этой группы: территориальная идентичность (3,27) и прагматизм (3,49). Религиозные студентки, несмотря на внутренние противоречия, демонстрируют значительно более высокую социальную интеграцию и психологическую устойчивость по сравнению с нерелигиозными сверстницами (рис. 2).

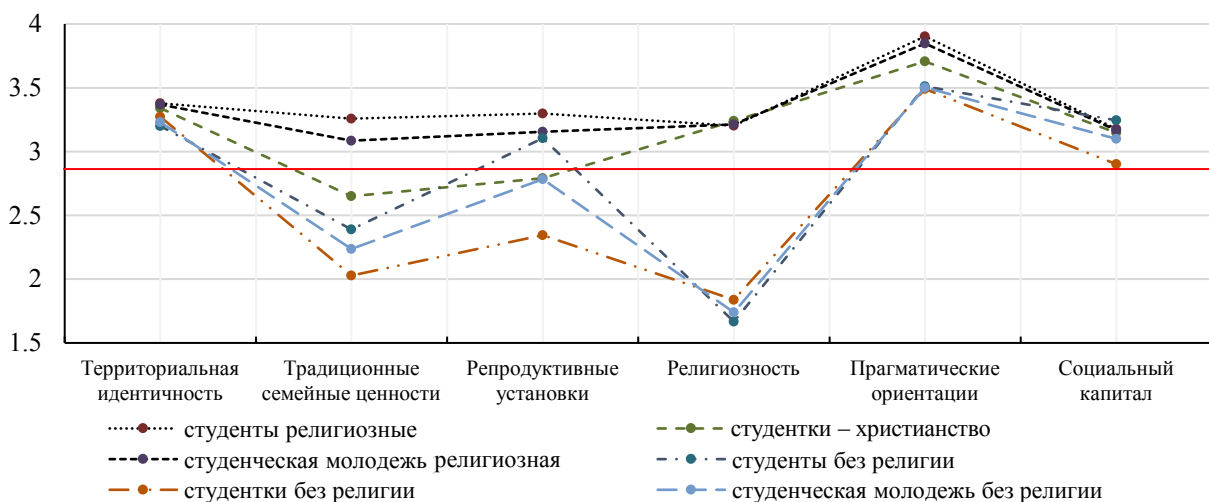

Рис. 2. Весовые значения факторов ценностей студенческой молодежи по гендерному и религиозному признакам

Fig. 2. Weighting values of student youth values by gender and religion

Исходя из результатов когорт студенческой молодежи, можно представить специфические ценностные профили каждой из них (табл. 5).

Таблица 5. Специфические ценностные профили когорт студенческой молодежи
Table 5. Specific value profiles of student cohorts

Когорта	Ценностный профиль	Положительные/отрицательные показатели	Противоречия
Религиозные студенты	Ценностно-устойчивые прагматики	Все шесть показателей положительные	Наиболее внутренне устойчивая группа
Религиозные студентки	Профиль ценностного диссонанса	Четыре положительных и два отрицательных (традиционные семейные и репродуктивные установки)	Группа внутреннего конфликта и трансформации
Нерелигиозные студенты	Свободные индивидуалисты	Четыре положительных и два отрицательных (религиозность и традиционные семейные установки)	Рациональная адаптация к современности
Нерелигиозные студентки	Атомизированные индивидуалистки	Два положительных (прагматизм, территориальность) и четыре отрицательных показателя	Группа ценностного кризиса и социальной изоляции

В группе казачьей молодежи религиозность является системообразующим фактором, который четко разделяется на две противоположные ценностные системы. Религиозные казаки демонстрируют целостный и позитивный ценностный профиль, поскольку показатели всех факторов находятся выше значения «3». У них сильная связь со своей территориальной идентичностью (3,68), выраженные традиционные семейные ценности (3,52) и максимальные среди всех групп репродуктивные установки (3,75), что говорит о сильной ориентации на многодетную семью как основу продолжения традиций, при этом наблюдаются религиозность (3,47), социальный капитал (3,41) и высокий прагматизм (3,73).

Религиозные казачки – скорее, сбалансированные носители традиций: высокая территориальная идентичность (3,69), самая высокая религиозность из всех групп (3,54), но более низкие, чем у религиозных казаков, традиционные семейные ценности (3,22) и репродуктивные установки (3,57), достаточно высокий прагматизм (3,62) и социальный капитал (3,40). Их ценностный профиль схож с религиозными студентками, они также находятся в поле между традицией и современностью, но с более высокими показателями по всем факторам (рис. 3).

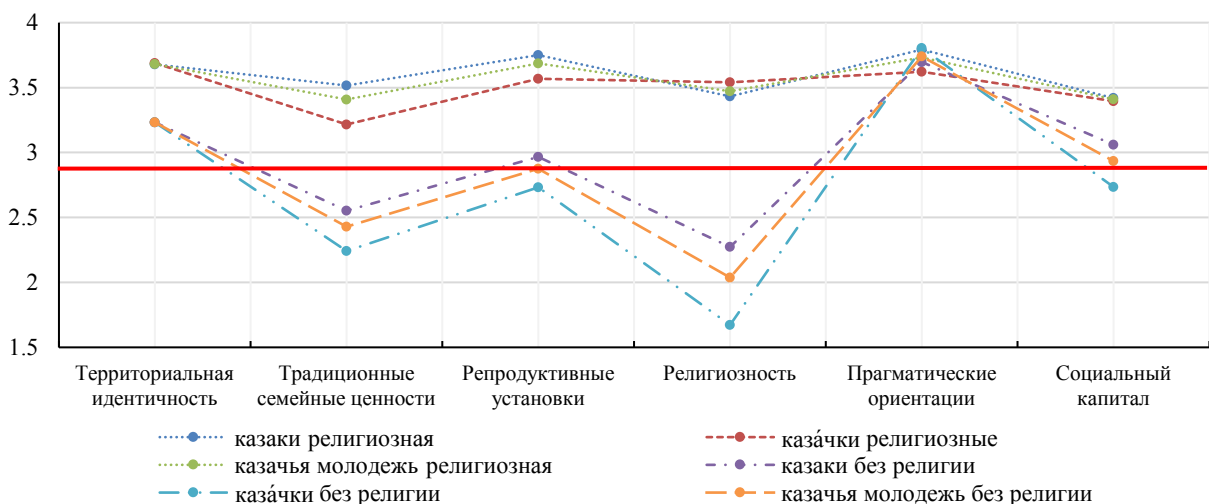

Рис. 3. Весовые значения факторов ценностей казачьей молодежи по гендерному и религиозному признакам
Fig. 3. Weighting values of the factors of values of Cossack youth by gender and religion

Нерелигиозные казаки демонстрируют распад целого ценностного профиля, где традиция перестает быть основой: слабая территориальная идентичность (3,23), негативные тра-

диционные семейные ценности (2,55) и репродуктивные установки (2,97), а отрицательная религиозность подтверждает светскую позицию (2,27). При этом высокий прагматизм (3,70) и почти нейтральный социальный капитал (3,06) показывают, что активность смещается в сугубо индивидуальную прагматическую сферу, где роль традиций и самой социальной группы становится инструментом реализации личных задач, сохраняя внешнюю декларативную идентичность.

Ценностный профиль нерелигиозных казачек демонстрирует наиболее глубокий кризис, так как разрыв с религиозностью в рамках традиционной группы влечет за собой системную деконструкцию всей идентичности. Низкий социальный капитал (2,73) указывает на их маргинализацию внутри собственного сообщества. Их высочайший прагматизм (3,80) можно интерпретировать не как жизненную стратегию, а как компенсаторный механизм, когда в условиях утраты групповой поддержки актуализируется установка на индивидуальное выживание и успех.

Для казачьей молодежи религиозность выступает не просто одним из показателей, а ключевым маркером, который напрямую коррелирует с сохранением всех остальных элементов традиционной идентичности, а снижение этих факторов ведет к деградации социальной группы (табл. 6).

Таблица 6. Специфические ценностные профили когорт казачьей молодежи
Table 6. Specific value profiles of cohorts of Cossack youth

Когорта	Ценностный профиль	Положительные/ отрицательные показатели	Противоречия
Религиозные казаки	Системное ядро	Все шесть показателей положительные	Сочетание высокой традиционности с современным прагматизмом
Религиозные казачки	Профиль селективного следования	Пять показателей положительные, традиционные семейные ценности ближе к нейтральному показателю	Высокая религиозность при относительно низких семейных установках, традиционная идентичность с условием гендерного пересмотра
Нерелигиозные казаки	Декларативная идентичность	Три положительных и три отрицательных показателя (традиционные семейные и репродуктивные установки, религиозность)	Внешняя идентичность без ценностного фундамента, высокий прагматизм при слабых традиционных ценностях. Периферийная группа
Нерелигиозные казачки	Атомизированные индивидуалистки	Два положительных и четыре отрицательных показателя (репродуктивные и семейные установки, религиозность и социальный капитал)	Высокий прагматизм при системном негативе остальных факторов, стремление к успеху в условиях изоляции с группой

Из анализа данных видно, что религиозность является ключевым маркером и фундаментом целостной ценностной системы для обеих групп (казаков и студентов), где принадлежность к религиозной подгруппе напрямую коррелирует с позитивными значениями по всем или большинству других факторов (традиционные семейные ценности, репродуктивные установки, социальный капитал). Утрата религиозности ведет к системной трансформации и распаду традиционного ценностного профиля. Нерелигиозные группы демонстрируют резкое падение не только по шкале религиозности, но и по связанным с ней традиционным ценностям, что особенно ярко выражено в традиционной казачьей среде.

Во всех группах наблюдается гендерный разрыв в следовании традиционным нормам. Так, религиозные казачки и студентки показывают более низкие показатели по традицион-

ным семейным и репродуктивным ценностям по сравнению с религиозными мужчинами в обеих группах, что свидетельствует о внутреннем конфликте, так называемой разорванной идентичности у религиозных девушек. Они пытаются сочетать религиозность и идентичность с современными, менее патриархальными гендерными установками.

Нерелигиозные девушки (казáчки и студентки) находятся в наиболее уязвимом положении, демонстрируя радикальный отказ от традиций и самый низкий социальный капитал, что указывает на ценностный кризис и некоторую социальную изоляцию.

Доминирование прагматических ориентаций во всех без исключения группах свидетельствует о его статусе «мета-ценности» поколения Z, на которую накладываются все прочие ценностные системы. Это согласуется с теорией «второго демографического перехода», где рациональный экономический расчет становится универсальным модусом принятия жизненных решений, в том числе в семейной сфере. Религиозные группы не отвергают прагматизм, но интегрируют его в свою картину мира, в то время как нерелигиозные делают его центральным принципом. Традиционные семейные и репродуктивные ценности у молодежи – самый уязвимый элемент, который напрямую зависит от религиозности.

При использовании концепции модерлируемой медиации факторов и расчете показателей по формулам (табл. 3) получены данные опосредованного влияния социального капитала и религиозных ценностей на репродуктивные установки (табл. 7). При этом значения выше 0,25 будут означать ощутимое влияние фактора и наоборот.

Таблица 7. Сравнение объясняющей способности моделей
Table 7. Comparison of explanatory power of models

Группа	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4 (путь А)	Модель 4 (путь В)	Модель 5 (путь А)	Модель 5 (путь В)
Казáки религиозные	0,340	0,297	0,153	0,284	0,153	0,297	0,153
Казáчки религиозные	0,118	0,079	0,530	0,093	0,530	0,079	0,530
Казáки нерелигиозные	0,071	0,049	0,045	0,095	0,045	0,049	0,045
Казáчки нерелигиозные	0,171	0,025	0,048	0,041	0,048	0,025	0,048
Студенты религиозные	0,255	0,093	0,281	0,119	0,281	0,093	0,281
Студентки религиозные	0,222	0,055	0,445	0,017	0,445	0,055	0,445
Студенты нерелигиозные	0,046	0,034	0,124	0,098	0,124	0,034	0,124
Студентки нерелигиозные	0,150	0,084	0,009	0,161	0,009	0,84	0,009

Высокие значения модели 1 у религиозных казаков (0,340) и студентов (0,255) указывают на религиозность как мужской паттерн. Для мужчин в традиционных и околотрадиционных средах религиозность сама по себе является мощным легитимирующим фактором, напрямую усиливающим связь между их социальными связями и установками на многодетность. Это механизм идеологического оправдания традиционной модели семьи.

Традиционные семейные ценности выступают ключевым модератором для религиозных женщин обеих групп (модель 3: казáчки – 0,530, студентки – 0,445). Это означает, что их репродуктивный выбор определяется не столько внешней религиозной идентичностью, сколько степенью интериоризации конкретных семейных норм. Здесь работает механизм нормативного давления, где социальный капитал преобразуется в установки только при условии принятия традиционной гендерной роли.

Показательно, что ни одна из моделей не демонстрирует значимой силы (все значения больше 0,25) в нерелигиозных когортах. Это означает, что в отсутствие религиозности как системообразующего «социального клея» связь между их социальным капиталом (часто слабым или инструментальным) и репродуктивными установками носит случайный, недетерминированный характер и регулируется иными, неучтенными в модели факторами.

Применение моделей модерации показало, что традиционные семейные ценности как модератор связи между социальным капиталом и репродуктивными установками (модель 3) хорошо работают в религиозных женских группах. Религиозность как модератор (модель 1) важна для религиозных мужских групп. Территориальная идентичность (модель 2) имеет умеренное влияние только в группе религиозных казаков. В нерелигиозных группах ни одна из моделей не показывает высокой объясняющей способности. Это может говорить о том, что религиозность и традиционные семейные ценности являются важными факторами в формировании репродуктивных установок через социальный капитал в религиозных группах, особенно среди женщин, а для нерелигиозных групп необходимо выбирать другие факторы, не учтенные в моделях.

Исследование позволяет дать эмпирически обоснованный ответ на центральный исследовательский вопрос: при каких условиях религиозность становится действенным фактором формирования репродуктивных установок. Главный вывод заключается в том, что влияние религиозности на репродуктивные установки носит не прямой, а опосредованный характер, и ключевым опосредующим звеном выступает социальный капитал, тип которого (реальный или декларативный) определяет силу и устойчивость этой связи.

Теоретический вклад работы состоит в эмпирической верификации и операционализации концепции П. Бурдьё о двух формах капитала применительно к сфере религиозности и репродуктивных установок. Исследование показало, что выделение реального символического капитала (инкорпорированного в габитус и подкрепленного плотными социальными сетями) и декларируемого символического капитала (ограниченного риторикой и демонстративными практиками) является не просто теоретической конструкцией, а рабочим инструментом, объясняющим парадоксы ценностных разрывов в современном российском обществе. Практические импликации вытекают из выявленной специфики групп и предполагают дифференцированный подход в реализации семейной и молодежной политики.

Для студенческой молодежи (потенциальный декларируемый капитал) усилия власти должны быть направлены на трансформацию религиозности из маркера идентичности в реальный социальный ресурс. Это может включать создание при вузах и молодежных центрах не просто дискуссионных клубов, а сплоченных сообществ (клубов, волонтерских проектов, молодежных приходов), где религиозные ценности подкреплялись бы реальными практиками взаимопомощи, совместного досуга, поддержки молодых семей и нуждающихся граждан, тем самым формируя реальный социальный капитал.

Для казачьей молодежи (потенциальный реальный капитал) ключевой задачей является поддержка и защита самой институциональной среды, воспроизводящей этот капитал. Политика по отношению к данной группе должна быть нацелена на укрепление институтов казачьего самоуправления, поддержку предпринимательства и культурных проектов, которые цементируют их социальные связи и связывают с территориальной идентичностью.

Для этой группы религиозность является не самостоятельным объектом воздействия, а органичной частью целостного традиционного уклада, разрушение которого ведет к системной ценностной деградации.

Таким образом, эффективность мер, направленных на укрепление семьи и ориентацию на репродуктивные установки через апелляцию к религиозным ценностям, будет напрямую зависеть от их способности воздействовать на природу социального капитала целевых групп, способствуя его преобразованию из декларативного в реальный.

Заключение. Проведенное исследование позволяет разрешить сформулированный в начале работы парадокс, заключающийся в противоречии между высокой декларативной значимостью религиозных и семейных ценностей и устойчиво низкими демографическими показателями. Эмпирически доказано, что религиозность влияет на репродуктивные установки не прямо, а через сложную систему опосредующих механизмов, ключевым из которых выступает социальный капитал, но только для религиозной части молодежи.

Основной вывод исследования состоит в том, что эффективность влияния религиозности на репродуктивные установки напрямую зависит от типа социального капитала, который может существовать в двух формах реального и декларируемого символического капитала в терминологии П. Бурдьё. Сравнительный анализ студенческой и казачьей молодежи выявил фундаментальные различия в природе этой взаимосвязи. Для казачьей молодежи религиозность выступает как реальный социальный капитал, интегрированный в плотные социальные связи и традиционный уклад жизни. В этой группе наблюдается целостный ценностный профиль, где религиозность системно связана с высокими показателями территориальной идентичности, традиционных семейных ценностей и репродуктивных установок. Для студенческой молодежи характерна более сложная картина, при которой религиозность часто проявляется как декларируемый символический капитал, порождая феномен «разорванной идентичности», особенно выраженный у религиозных студенток, которые демонстрируют внутренний конфликт между религиозными убеждениями и современными гендерными установками.

Теоретическая значимость работы заключается в операционализации концепции П. Бурдьё применительно к исследованию влияния религиозности на репродуктивные установки. Эмпирически подтверждена эвристическая ценность выделения реального и декларируемого символического капитала для объяснения ценностных разрывов в современном обществе.

Практическая значимость исследования определяется возможностью разработки дифференцированных подходов в семейной и молодежной политике. Для студенческой молодежи целесообразно создание сообществ, где религиозные ценности будут подкрепляться реальными практиками взаимопомощи и совместной деятельности, а для казачьей молодежи приоритетом должна стать поддержка институциональной среды, воспроизводящей традиционный уклад как целостную ценностную систему.

Ограничения исследования связаны со спецификой выборок, что определяет перспективы дальнейших исследований, например проведение лонгитюдных исследований и расширение сравнительной базы за счет других молодежных групп. В целом, работа демонстрирует, что эффективность мер, направленных на укрепление семейных ценностей через апелляцию к религиозности, будет определяться их способностью воздействовать на природу социального капитала целевых групп, способствуя трансформации декларируемого капитала в реальный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова О. Н., Павлюткин И. В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. 2019. Т. 28, № 4. С. 128–151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151
2. Семья в системе российских ценностей // ВЦИОМ. 22.11.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 06.11.2025).
3. Павлюткин И. В. Социальные механизмы трансляции культуры семейной жизни: значение религиозной среды (на примере российского православия) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 31–49. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2
4. К вопросу о рождаемости в современной России // ФОМ. 18.08.2023. URL: <https://fom.ru/Rabota-idom/14911> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 27.07.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 13.11.2025).
6. Захаров С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40 (4). С. 77–104. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104
7. Зимова Н. С., Неробеева Т. С. Влияние религиозности на брачно-семейные установки современной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 91–109. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-6
8. Заседание Совета по реализации государственной демографической и семейной политики // Президент России. 23.10.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78273> (дата обращения: 26.10.2025).
9. Бурдьё П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
10. Бурдьё П. Структуры, габитус, практика / пер. с фр. Н. А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–59.
11. Bourdieu P. On the family as a realized category // Theory, Culture & Society. 1996. Vol. 13, iss. 3. P. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/026327696013003002>
12. Мартыанова Е. Г. Религиозная культура современной российской молодежи (по материалам социологических исследований) // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2025. № 2 (54). С. 123–146. DOI: 10.22405/2304-4772-2025-2-123-146
13. Синелина Ю. Ю. Динамика религиозности россиян (1989–2012) // Социология религии в обществе позднего модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной): материалы Третьей междунар. науч. конф., Белгород, 13 сентября 2013 г. / Белгород. БелГУ, 2013. С. 324–343.
14. Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2018. № 3. С. 481–493. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493
15. Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В. Репродуктивное здоровье и репродуктивный выбор российской молодежи // ДЭМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 6–21. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.1
16. Информация о численности обучающихся // СПбГЭТУ «ЛЭТИ». URL: <https://etu.ru/sveden/education/study/> (дата обращения: 11.10.2025).
17. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 26.10.2025).
18. Preacher K. J., Rucker D. D., Hayes A. F. Assessing moderated mediation hypotheses: Strategies, methods, and prescriptions // Multivariate Behavioral Research. 2007. Vol. 42, iss. 1. P. 185–227. DOI: 10.1080/00273170701341316

Информация об авторах

Курапова Анна Сергеевна – кандидат социологических наук (2018), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 43 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология семьи, социология искусственного интеллекта.

Курапов Сергей Владимирович – кандидат социологических наук (2021), старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, ул. Космонавтов, д. 2, Москва, 129366, Россия. Автор 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология искусственного интеллекта.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.02.2026; принята после рецензирования 12.03.2026; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Borisova, O.N. and Pavlyutkin, I.V. (2019), "The revival of tradition, new marriages or network effects: variability of models of large modern urban families", *Mir Rossii*, vol. 28, no. 4, pp. 128–151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151
2. "Family in the System of Russian Values" (2024), *VCIOM*, 22.11.2024, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (accessed 06.11.2025).
3. Pavlyutkin, I.V. (2024), "Social mechanisms of transmission of family life culture through a religious network (case study of Russian orthodox Christianity)", *Research Result. Sociology and Management*, vol. 10, no. 4, pp. 31–49. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2
4. "On the issue of birth rates in modern Russia" (2023), *FOM*, 18.08.2023, available at: <https://fom.ru/Rabota-idom/14911> (accessed 20.10.2025).
5. "Religion and Society: Monitoring" (2023), *VCIOM*, 27.07.2023, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (accessed 13.11.2025).
6. Zakharov, S. and Churilova, E. (2022), "Fertility in Russia: does religion and religiousness matter?", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 40 (4), pp. 77–104. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104
7. Zimova, N.S. and Nerobeeva, T.S. (2025), "The influence of religiosity on marital and family attitudes of modern youth", *Research Result. Sociology and Management*, vol. 11, no. 1, pp. 91–109. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-6
8. "Meeting of the Council for the Protection of State Demographic and Family Policy" (2025), *The President of Russia*, 23.10.2025, available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78273> (accessed 26.10.2025).
9. Bourdieu, P. (2002), "Forms of capital", Transl. by Dobryakova, M.S., *Economic Sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74.
10. Bourdieu, P. (1998), "Structures, habitus, practice", Transl. by Shmatko, N.A., *J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, no. 2, pp. 44–59.
11. Bourdieu, P. (1996), "On the family as a realized category", *Theory, culture & society*, vol. 13, iss. 3, pp. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/026327696013003002>
12. Martyanova, E.G. (2025), "Religious culture of contemporary Russian youth (based on sociological research data)", *Gumanitarnyye Vedomosti TGPU im. I. N. Tolstogo*, no. 2 (54), pp. 123–146. DOI: 10.22405/2304-4772-2025-2-123-146

13. Sinelina, Yu.Yu. (2013), "Dynamics of Religiosity in Russia (1989–2012)", *Sociology of Religion in Late Modern Society (in memory of Yu.Yu. Sinelina), Proc. of the Third Int. Sci. Conf.*, Belgorod, RUS, 13 Sep. 2013, pp. 324–343.

14. Ivleva, M.L., Kurilov, S.N. and Rossman, V.I. (2018), "The youth's perception of religious values: a sociological study", *RUDN J. of Sociology*, no. 3, pp. 481–493. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493

15. Rusanova, N.E. and Erofeeva, L.V. (2025), "Reproductive Health and Reproductive Choice of Russian Youth", *DEMIS. Demographic research*, vol. 5, no. 2, pp. 6–21. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.1

16. "Information about the degree of learning", *ETU*, available at: <https://etu.ru/sveden/education/study/> (accessed 11.10.2025).

17. "Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian Spiritual and Moral values"", *President of Russia*, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (accessed 26.10.2025).

18. Preacher, K.J., Rucker, D.D. and Hayes, A.F. (2007), "Assessment of hypotheses of moderating mediation: strategies, methods and recommendations", *Multidimensional Behavioral Research*, vol. 42, iss. 1, pp. 185–227. DOI: 10.1080/00273170701341316

Information about the authors

Anna S. Kurapova – Can. Sci. (Sociology, 2018), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 43 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of the family, sociology of artificial intelligence.

Sergey V. Kurapov – Can. Sci. (Sociology, 2021), Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2 Cosmonauts str., Moscow 129366, Russia. The author of 35 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of artificial intelligence.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 06.02.2026; adopted after review 12.03.2026; published online 23.06.2026.